

Андрей Фамицкий

Жизнь и её варианты

Андрей Фамицкий

Жизнь и её варианты

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Фаицкй
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ф20

А. Фаицкй

Ф20 Жизнь и её варианты / Андрей Фаицкй. – М.: Воймега,
2019. – 80 с.

ISBN 978-5-6041935-2-5

ISBN 978-5-6041935-2-5

© А. Фаицкй, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

* * *

молодость смеётся на морозе,
старость шею кутает в кашне,
в секонд-хендах роется в привозе,
вечер отдаёт презренной прозе,
обживает страшное во сне.

вот очков надломленная дужка,
кот плешивый, свитер шерстяной
и для друга рядом раскладушка.
старость не стоит и равнодушно
молодость обходит стороной.

* * *

начни вводить свои войска
и выводить войска
повсюду здесь печаль-тоска
кому она близка?

в окне рассвет-закат-рассвет
не раз не два воспет
но как сказал один поэт
пора оставить след

следы ботинок сапогов
на родине снегов
и вот уже не до следов
ни до каких стихов

простимся на передовой
осеннюю порой
а что стою перед тобой
так это не впервой

* * *

лежать и вспоминать сюжеты книг.
устроить на обочине пикник,
сплавляться по реке с бездомным другом,
в три года втиснуть пятилетний план,
спасти землян от инопланетян,
бороться с неопознанным недугом.

в знак дружбы подарить индейцу скальп,
обжить пещеру на вершине Альп,
не избежать проклятья фараона,
спасти блондинку, оживить врага,
убить блондинку и уйти в бега...
ну что, опять проспал, наследник трона?

* * *

пока мой город изнывает от
политики, жары, литературы,
пока ещё не кончился завод
у сердца и другой аппаратуры,

пока мы говорим друг другу «ты»
и в транспорте отдавливаем ноги,
пока у дня хватает долготы
и времени — у нас — на диалоги,

пока добры, безумны, влюблены
и быть свободным позволяет смета,
попробуем ещё и без войны —
а вдруг у нас получится и это.

* * *

облако входит в облако,
облаком становясь.
что до стихов — два столбика,
чтобы наладить связь

с облаком, с небом, с космосом,
с теми, кто с нами врозь.
с тем, кто чудесным образом
всех нас прошёл насквозь.

* * *

призраки по квартире
бродят туда-сюда
жизнь дважды два четыре
морок и суета

но нелегко и в смерти
мёрзлая горсть песка
и как на этом свете
так и на том тоска

в комнате в коридоре
в кухне пугать кота
если бы знать что вскоре
если бы знать куда

* * *

громкоговоритель тишины,
извини, что я тебя не слышу,
я и сам вещаю со стены,
не хотел, но занял эту нишу.

двое пьяных, ангел и монтёр,
привинтили и ушли куда-то.
если б руки – тут же распростёр,
не Христос, но тоже жутковато.

можно всё, и за спиной стена.
где двукрылый? где монтёр-хранитель?
и какая, к чёрту, тишина?
больше шуму, тихоговоритель!

* * *

это запах оседлости,
бархатный запах трав,
это в старости в целости,
молодость закопав.

это в сумерках Сенека
пишет тебе письмо,
это мерзость из телика —
лишь бы узнать число.

это вечности кузницу
здравнице предпочесть,
это выйти на улицу
и на скамейку сесть.

* * *

туман — чтобы завесить пустоту,
и мы уже не можем без тумана,
но, если говорить начистоту,
одна лишь ты нужна мне постоянно.

прозрачнее и строже, как вода
осенняя, роднее после ссоры,
другая, потому что никогда
туману не войти в твои просторы.

* * *

мы поедем на электричке
не куда-нибудь на кулички,
а куда-нибудь навсегда,
где крапивы полно, клубнички
и колодезная вода.

на огромном велосипеде,
из волшебного сна соседи,
будут дети кататься там,
а под вечер склонять к беседе
станут Рильке и Мандельштам.

а на завтра мы встанем рано
не с продавленного дивана,
но с отринутого одра —
петь Муслима и Адриано,
пить бессмертие из ведра.

здесь подводит черту эпоха,
среди сняти, чертополоха,
прочей солнечной чепухи.
продолжаются тут неплохо
пчёлы, мёд, человек, стихи.

* * *

под чёрной лампой чёрный мотылёк.
пью чёрный кофе, тихо наблюдаю.
в твой ареал включился мой чертог
и стол, в чьём ореоле обитаю.

но если я сгораю со стыда,
сам о себе не зная, кто я, где я,
то на тебя не действует звезда,
на чей штатив наклеено: «Ikea».

и если б мы нашлись в другой ночи,
в другой вселенной и другой хибаре,
неужто тоже были бы ничьи —
ничтожные, немые Божьи твари?

* * *

время газонокоса,
злая бензокоса
так, что бензин из носа,
пьёт его за глаза.

время быть наготове
мученикам травы,
время зелёной крови,
пролитой зря, увы.

для записных летуний,
самозабвенных пчёл,
время вернуться в улей
и не узреть шеол.

* * *

муравьиную дорожку
я переступлю.
вот они таранят мошку,
как простую тлю.

и влачат её мурашки
за свои холмы.
человечки, умирашки,
чем они — не мы?

* * *

галопом скакал по Европам,
что твой аксакал по горам,
с каким-то вселенским притопом,
как Бродский навстречу дарам.

а что получилось в итоге?
нелепая, в общем, дыра,
лежу, как листок в каталоге,
а сверху, а сверху — гора.

исчадие сотен вокзалов,
гнезда не нашедший птенец...
и кто из-под вечных завалов
меня извлечёт наконец?

* * *

Клементине Ширшовой

мы вылеплены из снега —
снегурка и снеговик.
мы ждём середины века
и в той середине — миг.

пускай этот миг недолог,
но в сердце его — жара.
стоим в окруженье ёлок:
«родная, жива?» — «жива».

обклёванный нос морковкой,
незрячие угли глаз.
не сманивай нас обновкой,
спаси и помилуй нас.

пусть тем, кто за нас в ответе,
воздастся по их трудам.
мороз, выбегают дети,
а я тебя не отдам.

* * *

собака писает на снег
а новый год как новый век
всё начинается сначала
уходит бездна из-под ног
душа оставлена в залог
и только музыка звучала

а за углом круги своя
а за столом твоя семья
хоть в тесноте да не в обиде
ты приведёшь сюда её
и все почувствуют – своё
и все уснут а вы не спите

там вы вдвоём потом втроём
живёте весело внаём
ну что ещё сказать о браке
заведены часы на шесть
не любит тёща любит тесть
а ты мечтаешь о собаке

* * *

упадёшь с велосипеда,
будешь плакать.
такова на вкус победа,
правда, пакость?

покорёжены колёса,
в кучу спицы,
и посматривают косо
очевидцы.

и не светятся в грязище
катафоты.
но глазищи! но глазищи
той, в кого ты...

рождение

рождение ребёнка позволяет
двум смертным ощутить себя богами,
создавшими из праха человека.
в конце концов и он вернётся в прах.
но может подарить немного праха
тому, кто обрaстет теплом и плотью
и даже станет на мгновение богом,
хотя и он когда-нибудь умрёт.
зачем мне это знание, я не знаю.
зачем слова, которые оставляю,
когда меня среди людей не станет?
зачем я тоже должен умереть?
неужто это продолжение рода —
единственная правда, для которой
нам стоит жить? и почему наш Бог
так часто заменяет телом тело,
как будто просто не нашёл своё?
как будто Богу в наших неудобно,
темно от наших помыслов и страхов,
и Он всё ищет, ищет, ищет, ищет,
но не найдёт... несчастный милый Бог.

* * *

сколько седых волос
на моей голове
вот неплохой вопрос
жаль головы не две

чтобы одна была
словно зима бела
а другая черна
и не увлечена
чёртовой сединой

и не думать чтоб ни одной

ШКОЛА

мы ходили в котельную,
где с нас состригали детство.
на рубашку нательную,
доставшуюся в наследство
от прокуренных старших,
молодой устремлялся локон,
а потом было страшно
засыпать у огромных окон
на огромных скрипучих койках
в холодном теле.
кто-то плакал во сне тихонько,
и дни летели...

и они пролетели.

приветливый парикмахер
вечно спрашивает,
какую хочу причёску.
я сижу перед ним
в дорогущей такой рубахе
и почти что привыкший
к своему покупному лоску.
возвращаюсь к себе —
нахожу себя на диване,
что стоит у стены,
от большого окна подальше.
и сострижено детство,
и мы обросли делами,
и хочу закурить
или просто уснуть пораньше.

* * *

В. Ф.

спой мне колыбельную о боли
и укутай в мешковину, что ли.

обмани какой-нибудь уловкой,
обними пеньковой верёвкой.

чтобы я ни капельки не плакал,
колесуй, а то и сразу на кол.

если в ласке ты не мастерица,
прояви хоть как-то материнство.

* * *

поможет ли таблетка веронала
от прошлого, где мать тебя роняла?

поможет ли затяжка никотина
от старости, где встретит смерть-скотина?

поможет ли двойной американо
от поезда разлуки без стоп-крана?

поможет ли, что день безгрешно прожит?
и если нет, то что тогда поможет?

* * *

ни поздний Блок,
ни ранний Мандельштам —
никто не бог
и не поможет нам.

а если так,
не лучше муравья
твой Пастернак,
Цветаева твоя.

но что за страх
велит за будь здоров
топтать в сердцах
великих муравьёв?

* * *

Олегу Горгуну

I

снег, световой колодец.
вывел свои полки
дворник и полководец,
выбил половики.

вёдра, совки, метёлки,
воинство на плацу
вычистило потёмки.
век подошёл к концу.

II

пыль наполняет ящик
письменного стола.
слушатель и рассказчик
знает, что всё зола.

не погибает плевел,
и теневой стратег
курит и горький пепел
стряхивает на снег.

* * *

Андрею Гимро

снежинки налипают на стекло,
дым сигарет стоит стоймя в салоне,
а в зеркало посмотришь – там светло,
и будущее видится в ксеноне.

дорога под колёсами – каток,
а почему один, спроси – отвечу:
с тех пор как трудно встроился в поток,
всем по пути и никого навстречу.

* * *

сигарета, упавшая в снег,
пролежала в снегу до весны,
и её подобрал человек
до того, как его унесли.

«не кури!» – закликает Минздрав,
«не дури», – обнимает Господь,
и один из них, может быть, прав,
а другой захотел подколоть.

кто-то знает, а я ни гу-гу.
поздорову скажи подбру,
где твоя сигарета в снегу,
та, которую я подберу?

* * *

а те, с кем ты чаёвничал над бездной,
допили чай.
ты самому себе твердил, что бездарь,
так получай.

пустынный стол, расколотые блюдца,
бычки, зола...
ты жаждал стихотворного уютца?

ТВОЯ взяла.

* * *

как ярко вспыхивает спичка
перед кончиною своей,
всем истеричкам истеричка!
уймись, прикуривай скорей.

так пепел падает на брюки,
так дым летит под потолок.
так жадные до света руки
опустошили коробок.

* * *

допустим, этот год последний,
а что потом?
ну, избранного том посмертный,
забвенный том.

забавно, до чего известно
всё до конца,
и шутит старец легковесно
в тени юнца.

смерть появляется не сразу —
наоборот,
она даёт прикончить фразу
и смотрит в рот.

ты слишком не приемлешь блядство,
чтоб к ней пристать,
а в жизнь готов всю жизнь влюбляться
и с нею спать.

* * *

по кругу смерти ходят муравьи
и по квадрату комнаты — поэты.
я знал, что мир замешан на крови,
но разве это — топливо планеты?

смотри, идут вповалку облака,
а вот ещё чудная пантомима:
он непутёв, она неглубока,
идут навстречу... и проходят мимо.

* * *

за гаражами, где бомжи пьют водку,
и начиналась молодость моя.
ты показала мне себя за сотку
среди металлолома и старья.

прошло немного времени, и снова
мы встретились на этом пустыре.
летел снежок на Рождество Христово,
и зябко было горькой детворе.

куда меня с тех пор ни заносило —
в поля чудес, чащобы бытия...
я должен был сказать тебе спасибо,
и я пришёл, но не было тебя.

* * *

это чёрное слово читается: «никогда»,
и приходит в действие медленный механизм,
но годится ли нож для бумаги для колки льда
и откуда в подлёдном лове такой комизм?

пресноводная рыба глотает пустой крючок,
неглубокий писатель выводит свои крючки,
в механизме судьбы раздаётся сухой щелчок...
рыба ест человека, бумагу рвёт на клочки.

* * *

мы погорельцы на своей земле.
а кто же поджигатели? мы сами.
по грудь в дыму и по уши в золе,
местами смерть и выгодно местами.

так ревностно блюдёшь чужой бюджет,
так потчуеть себя скороговоркой,
встающий над самим собой чуть свет
и чиркающий спичкой над конфоркой.

* * *

мёртвая Беларусь,
как я тебя боюсь!
только глаза открою –
ты уже тут как тут,
ищешь какой-то «кут»,
как мне с тобой такую?

есть у меня мечта:
вместо мечты – места
разные, дорогие,
а у тебя из глаз
льётся мертвящий газ
с запахом ностальгии.

я не такой, как ты,
но, затянув жгуты,
как оживить искусство?
утром дубинкой бей,
вечером дай рублей,
и не расти капуста?

днями с тобой делись?
рядом с тобой молись
соли и караваю?
вот он – чырвоны кут.
я расслабляю жгут
и глаза закрываю.

* * *

ну здравствуй, Пушкин, здравствуй, сукин сын,
как хорошо, что ты в дуэли выжил.
теперь не спи, поэт и гражданин,
купи собаку, затопи камин,
лет через сто черкни про смерть в Париже.

зайдёшь ли в чат менеджеров-внучат,
пошли им двоеточие и скобку.
там по дворам горланят и бренчат,
и премию такому же вручат...
нет, рукописи пустим на растопку.

и если ты, унылая пора,
действительно очей очарованье,
то я пою не то, что пел вчера,
а снайперскую удаль топора
и треска с тишиной чередованье.

* * *

на лукоморье дух зловонный,
не русский, никакой другой,
там дуб отговорил зелёный,
там кот под вольтовой дугой.

там тридцати и трём мужланам
не надо никаких чудес –
Людмилу путаешь с Русланом,
и в голове стоит ЧАЭС.

там из избы выносит леший
русалки рыбью чешую.
и пилит кот осатаневший
незолотую цепь свою.

* * *

впору говорить о брестской школе –
Глазове, Бесчастном, Рыбаке,
безупречно потаённой боли
и бутылке вермута в руке.

накануне трёх рукопожатий
в самой середине сентября
выбери бутылку попузатей –
что за стихотворец из тебя!

не забудь билет на скорый поезд,
убедись, что двери на замке,
к лифту, о житье не беспокоясь, –
кот у друга, книга в рюкзаке.

полбутылки, полселёдки, полночь,
то ли воздух, то ли никотин,
милый трёп, «Дантес, конечно, сволочь»,
трое светят, светится один.

* * *

Стасу Карпову

путеводные звёзды гаснут,
через миг наступает гласность,
начинают вещать кресты.

обнажается камень веры,
и в преддверии новой эры
своят листья и жгут костры.

дым встаёт посреди тумана,
точат нож и ведут барана,
затихает в округе лес.

проступают чужие знаки,
дым сгущается в автозаки,
и неясно, чей бог воскрес.

* * *

ты понесла от сточных вод, земля,
дай поглядеть, что из тебя родится.
клубок червей, голодная змея,
фашистский череп, новая водица.

кончину чую скорую свою,
ещё чужую женщину желая,
и губы подставляю под струю,
а вдруг она не мёртвая — живая.

* * *

поджидая Нину из института,
Ходасевич стоял вот здесь.
ядовитый воздух, почти цикута,
и поэзии злая взвесь.

я дышу тем воздухом петербургским,
Владислав, и неровен час,
как меня, дворнягу, накличат русским
и поэтом, как звали вас.

только это, наверное, злая шутка,
Г. Иванов писал – игра.
потому что муза не институтка,
потому что в пальто дыра.

потому что в воздухе невесомом
сотворён идеальный ад:
вы – лежащим на письменном толстым томом,
я – писакой, склонённым над.

* * *

фантик среди листвы,
тише, не шелести,
нету твоей Москвы,
хочешь туда — лети.

мёрзнуть среди корней
будешь зимою тут,
там — с мостовых камней
в урну к другим сметут.

* * *

снег в подмосковном Домодедово.
забрёл же я в сии края!
и, пожалев, что не отседова,
подумал: «а откуда я?»

оттуда я, где утро вечера
не мудренее, а пьяней.
где вроде хочется, да нечего,
а тут ещё в страстях по ней.

оттуда, где выходишь паинькой
под снегопад, как под обстрел.
где знаешь всё о жизни с паникой,
а вот и доктор подоспел.

где календарь луны и облака
висит на призрачном гвозде.
где не страна, а что-то около.
где Домодедово — везде.

* * *

памяти Дениса Новикова

так по-русски красива
так по-русски страшна
попынька и трясины
тишина тишина

тиранически страстно
целовала в засос
говорила не страшно
передоз передоз

представляла невнятно
зашивала уста
и водила бесплатно
от креста до креста

* * *

в туалете есть перекладина,
а на кухне играет радио,
инфернальный какой-то звук.
отшумела своё окраина,
а душа как-то так ошпарена,
что выскальзывает из рук.

в подворотне не мать, не мачеха
под шумок воспитала мальчика,
а мелодия, чей мотив
жизнь и прочее имитировал,
а потом в темноте мутировал
в речь и вовсе в речитатив.

посмотри, это я с тетрадкой
на прохожих смотрю украдкой,
впереди ещё много лет.
и вот это я тоже — сгорбленный,
не расслышавший, не особенный
и собравшийся в туалет.

* * *

будешь раздет, разут,
вынут и повезут
и далеко задвинут.
слишком ты был раздут,
слишком твой рот разинут.

а за твоей спиной
холод и мрак стеной,
что глубиной манили
мертвенной, костяной,
словно ты жил в могиле.

если бы не она,
стройно оголена,
ты бы ушёл отсюда.
это не слабина,
а ко всему остуда.

но отвезут в уют,
вколют, вотрут, вольют,
крови возьмут бесплатно.
может быть, не убьют,
а не убьют — и ладно.

* * *

коридор кончается бесконечностью,
за которой стоит звезда.
ты сидишь дуреешь с какой-то нечистью,
как давно ты попал сюда?

да и как сидишь — взад-вперёд болтаешься
от двери до другой двери.
говорят, что и та бесконечность — та ещё,
и звезда — с темнотой внутри.

и пока ты ждёшь, не подходит очередь,
не оставить ли всё как есть,
раз не станут там ни любить, ни потчевать?
ты заходишь. и вот я здесь.

* * *

Евгению Бесчастному

тот самый монументум,
да, воздвиг.
замызганный цементом,
он возник.

теперь тут ни проехать,
ни пройти,
ах, муза, что за прихоть,
прекрати.

зачем здесь эта дура
до небес?
нелепая фигура,
лишний вес.

а если к ней студенток
приведут?
я б в жизни не сидел так,
даже тут.

уродливое эго
на века,
Горациус, коллега,
нафига?

кому какое дело
до того,
что знало это тело
божество?

* * *

пока я кофе варю на кухне,
пока две нимфы за стенкой спят,
в окно луне говорю: «не тухни,
я тоже выйду в вишнёвый сад».

мы, может быть, не увидим фавна,
но поболтаем о том о сём.
ты в небе светишься триумфально,
а я всё думаю о простом.

какие ночи, луна, настали,
нас будто тянет на высоту,
а поменяйся с тобой местами,
весь век провёл бы в земном саду.

через мгновенье проснутся нимфы,
а я не помню их имена.
не покидая свои олимпы,
ты улыбаешься мне, луна.

* * *

не оглядывайся назад
не засматривайся вперёд
небеса остаются — над
разверзаются бездны — под

потому что любовь и смерть
потому что вино и яд
потому что ты прожил треть
а на сто уже виноват

* * *

сдаётся квартира в подвале,
мы в этой квартире бывали —
бессонница и полумрак,
печурка согреет едва ли,
она для сжиганья бумаг.

а нас не объяла остуда,
и мы не спешили отсюда,
из бедности, из-за стола,
но вырвалась речь из-под спуда,
и в печке остыла зола.

и вот мы стоим на пороге,
в прологе, потом в эпилоге
чадит и коптит потолок.
и что остаётся в итоге?
продрогла? я тоже продрог.

* * *

ты музыка последняя моя
чей сумрачный мотив почти не слышен
так мёртвые меж мёртвыми снуя
не в силах молвить голосом остывшим
так осень злая лижется как смерть
клубами дым летит в дома и клубы
так возраст замораживает губы
и я не в силах в зеркало смотреть

* * *

отражение в мёртвой воде,
отражение в зеркале то есть.
ты ещё не на Страшном суде,
но взглядишь — не покажется совесть?

то ли мёртвое это завесь,
то ли сгинь, чтобы не проливалось.
помнишь, классик писал, что не весь?
что останется? самая малость.

пробуждаться в холодном поту,
с сигаретой болтаться по свету.
ты по эту, а что-то — по ту.
хорошо, что я тоже по эту.

* * *

широка страна моя родная
а другая также широка
и по этой и по той рыдая
протекает хищная река

на её берегах резвятся дети
подступая к пепельной воде
и приходят звери на рассвете
к лопухам и прочей лебеде

и на склоне что лежит полого
злой писака вечно в стороне
пишет что-то вроде эпилога
или некролога о стране

НИКТО

под свисток динамичного паровоза
умирает Анненский на вокзале.
никакая поэзия или проза
ничего пронзительней не сказали.

ждут курсистки красивого педагога,
паровозный дым окна чёрным застит,
Царскосельская тихо поёт дорога,
и одна Звезда незаметно гаснет.

ВОЗДУХ

Ф. Ч.

I

не музыка, но музыка,
хоть и в тебе есть яд —
не с тем ли ядом кружечка
и рюмочка стоят?

звучи, играй на празднике
свободы от щедрот.
мы проиграли в классики,
и воздух вяжет рот.

II

то ли от воздуха, то ли от водки,
то ли от скрипа осин
снится мне: друг из далёкой слободки,
прочь от своих палестин,

в гости приехал, в стране двуязычной
я угощаю его
воздухом пинским и водкой столичной,
скрипом пера своего.

но просыпаюсь, как муха в стакане,
выбитый из колеи,
лишь над его нечужими стихами —
инициалы мои.

* * *

была дешёвой, стала дорогой,
но тайной, тайной быть не перестала,
а мы уже в нигде одной ногой,
другой ногой коснулись пьедестала.

и посередке держим эту склянь,
и по селёдке продолжаем страсти.
кого просить: «спаси и устакань»,
когда сорокаградусное в пасти?

наступит день (известный поворот),
расслышится гитары переборчик,
и кто-то наши строчки переверёт
и стопочку глотнёт и помидорчик.

* * *

два бомжа. один другому
говорит:
где моя дорога к дому,
друг пиит?

и бредут под снегом двое
наугад,
а о них навстречу злое
говорят.

* * *

звонил отец, и я базлал с отцом.
не думаю, чтоб он бухал спецом,
а просто – отчуждение, усталость,
оглох на ухо, и болит нога,
зарплаты не осталось нифига,
а сыну ни за что тогда досталось.

достались избиения, детдом,
и он оттуда выбрался с трудом,
поступку было место и проступку,
и вырос он писатель и гордец.
об этом, правда, думал не отец,
а думал я, когда повесил трубку.

ВЕСНА

упрятали в ЛТП,
а я себе на свободе
пишу стихи о тепле,
о кофе и о субботе.

отец он мне или кто?
сын я ему или кто-то?
от яблони далеко,
а к яблоне неохота.

в магаз вечерком зайду,
куплю себе ром и колы,
а в яблоневом саду
весна, но деревья голы.

* * *

уже сгребают листья дворники,
уже не зверствует жара,
и поэтические сборники
не пылесборники, ура,
и бары под завязку бардами,
и в ГУМе толпы за пальто,
и новыми гордятся кадрами
провинциальные лито.

а ты вино безалкогольное
под старой лампой пьёшь в углу,
и рад бы влезть в ушко игольное,
да не нашёл свою иглу,
и вдохновения, дыхания
осталось на одну строку...
давай, короче, до свидания,
кукареку.

* * *

дешёвое платье становится дорогим,
когда облегает её золотое тело,
и он предстаёт перед нею таким нагим,
и он представляет: она его не надела.

картина и статуя, если со стороны,
а если очами ангела или Бога –
наверное, ясно, зачем они рождены
людьми, а не точками звёздного каталога.

* * *

зайти в кафе кинотеатра
и выпить сто.
и чертыхнуться троекратно –
за что? за всё.

за то, что будущее мельком
и век стоймя,
за то, что счастье не по меркам
познал с тремя.

за то, что снобствовал немало,
за то, что пел,
за то, что курица клевала,
петух шипел.

за то, что жизнь твоя сестрица
могла состричь,
за то, что смог перекреститься
и смерть простить.

* * *

от Сокольников до Преобраги
чешет рыцарь пера и бумаги,
начинается сильный мороз.
ни страны, ни стола у бедняги,
так случается сильный невроз.

ну, страна, эфемерное что-то
с гробовую доскою почёта,
только эта доска и тверда.
почему же тогда от Ашота
очень хочется к Янке, туда?

потому ли, что скоро оттуда
он сбежит ухмыляясь, паскуда,
зарабатывать новый невроз
и напишет: могила, остуда?
а про стол? а про стол не вопрос.

за столом, озарённым неярко,
где конфета лежит «Коммунарка»
и рифмованный этот отчёт,
повторять: конура, коммуналка,
кому Янка, кому и Ашот.

* * *

кофе в пластиковом стакане
исключительно дармовой,
а душа в самом деле камень,
так что я не вернусь домой.

где твой дом, никогда не знаешь,
вот и выбери, правдоруб, —
там, где предки легли как залежь,
или там, где живёшь как труп?

хлеб изгнанья? но ты не Бродский.
эмиграция, кофеёк.
а ночной самосуд сиротский —
экий всё-таки экивок.

* * *

А. С.

портативная пишущая машинка
с западающей клавишей, чёрт возьми,
вот бы мастер узнал, что твоя начинка
не достойна дотошной его возни!

я имею в виду не себя, конечно,
хоть и я прозреваю твоё нутро:
там действительно холодно, там кромешно,
но зачем там, где клавиша « », мертво?

ты красивая рухлядь, металл и пластик,
так зачем барахло я несу в ремонт?
тонкий мастер починит, и будет праздник.
а вот мне — кто мне _____ мою вернёт?

* * *

лицо, заросшее щетиной,
заржавевшее невзначай.
как из дитяти стать детиной,
а из детины... изучай.

летейская библиотека,
тяжёлый взгляд из-под лба,
по лбу прошёлся коготь века,
что называется, судьба.

так и деревья, худо-бедно
сухой покрытые корой,
растут в себя, а их бесследно
касается снежинок рой.

* * *

растения из сада Прозерпины,
фиалка, ирис, роза, гиацинт,
в руках у смерти полные корзины:
цветочный мир — цветочный геноцид.

срезать живое — горестный обычай,
тем горестней, когда оно в цвету,
но разве у растений нет отличий
от девочек, играющих в саду?

* * *

Юрию Рыдкину

если в верхних слоях атмосферы
одинокие твари летят,
здесь, на дачном столе из фанеры,
два стопарика, сало, салат.

это всё нам досталось до срока,
и когда он настанет, Бог весть,
но уже прилетала сорока,
душу вынула, нет бы поесть.

холодила и в воду глядела,
а потом помавала крылом,
это песенка, это полдела,
но не дело в прогнозе кривом.

нам положено счастье без меры
и уверенность как результат.
в запредельных слоях атмосферы
одинокие твари летят.

похоронный блюз

из Уистена Хью Одена

останови часы, забудь про телефон,
дай псу сочнее кость, и пусть уймётся он,
пусть не звучит рояль и стихнет барабан,
и пусть выносят гроб, и пусть аэроплан

мятущийся, помочь не в силах тишине,
чтоб знали все, «он мёртв» начертит в вышине.
пусть голубь в пух и прах свою запрячет грусть,
не сносит чёрный цвет регулировщик пусть.

он был мой север, юг, восток и запад мой,
и шестидневный труд, и славный выходной,
и ночь моя, и день, и вот, его обняв,
я думал, быть любви всегда, но был неправ.

на что теперь смотреть? считай, что я незряч.
все звёзды погаси, луну и солнце спрячь,
сотри леса, моря на миллиарды лет,
отныне ничего хорошего в них нет.

* * *

как буднично всё это происходит –
все эти люди, хлопоты, венки,
а ты не в чёрном и не по погоде,
да ты с ним бегал наперегонки!

а помнишь, в глубине чужого сада
играли в прятки, ели виноград...
теперь не плачь, по правилам не надо,
он спрятался, и ты не виноват.

* * *

поезд едет по эстакаде,
запах водорослей в купе.
что ни пей, при любом раскладе
выпадает пиковый туз.

как там в Библии? не укради,
но на столике канапе,
мелкий бес из моей тетради
только-только вошёл во вкус.

проводница не вяжет лыка,
но зато защитила честь
от китайца, меня, таджика
(убеждения неясны).

ах ты Господи, Анжелика,
неужели и вправду есть?
все от мала и до велика
фантастичные видят сны.

можно выйти на полустанке,
можно в тамбуре втихаря
причаститься вонючей склянке,
экий молодец удалой!

я женился на иностранке
и, по-честному говоря,
проводницу приплёл по пьянке.
пьянка в поезде. путь домой.

дом культуры

I

Алексею Третьяку

председатель колхоза
довезёт до райцентра,
а потом через площадь пешком.
в дом культуры с мороза,
полчаса до концерта —
и стоишь, человек со стишком.

круговерть у палаток
овощей, секонд-хенда,
у лотков чёрт-те с чем толчая.
дым отечества сладок,
и талдычишь у стенда:
«воздух — чей-то, а горечь — ничья».

чай со вкусом пластмассы,
пустота чебурека —
наслаждайся, не стой москвичом.
снова точишь балясы,
а судьба человека —
в мельтешне узнавать что почём.

выбирать: или-или,
крыть забористо цену
или что там стоит на кону.
но уже объявили,
выползаешь на сцену
и читаешь — не видишь кому.

II

Жене, Олегу, Оле

мимо райисполкома,
мимо ЗАГСа и церкви,
мимо частного сектора — вниз.
как смешно и знакомо
скоморошество в центре,
жаль, никто не попросит на бис.

ты вернулся к пенатам
ради эксперимента,
а припомнил столичный музей,
где торчал экспонатом,
но сбежал с постамента,
с глаз долой погрузневших друзей.

испугали глубины
светового колодца
или светом насытился впредь,
но свистулька из глины —
это всё, что даётся,
чтобы высвистеть и просвистеть.

пять минут на маршрутке,
остановка у школы,
а потом по деревне пешком.
шутки и прибаутки —
чтобы правду скрыть, что ли?
скоморох. человек со стишком.

* * *

шесть соток фамильного сада
луна освещает, но мне
немного, по совести, надо,
и этого хватит вполне.

сидеть на ступенях веранды,
смотреть, как сгущаются: тьма,
и жизнь, и её варианты,
и прочие игры ума.

Содержание

«молодость смеётся на морозе...»	3
«начни вводить свои войска...»	4
«лежать и вспоминать сюжеты книг...»	5
«пока мой город изнаывает от...»	6
«облако входит в облако...»	7
«призраки по квартире...»	8
«громкоговоритель тишины...»	9
«это запах оседлости...»	10
«туман — чтобы завесить пустоту...»	11
«мы поедем на электричке...»	12
«под чёрной лампой чёрный мотылёк...»	13
«время газонокоса...»	14
«муравьиную дорожку...»	15
«галопом скакал по Европам...»	16
«мы вылеплены из снега...»	17
«собака писает на снег...»	18
«упадёшь с велосипеда...»	19
рождение	20
«сколько седых волос...»	21
школа	22
«спой мне колыбельную о боли...»	23
«поможет ли таблетка веронала...»	24
«ни поздний Блок...»	25
«снег, световой колодец...»	26
«снежинки налипают на стекло...»	27
«сигарета, упавшая в снег...»	28
«а те, с кем ты чаёвничал над бездной...»	29
«как ярко вспыхивает спичка...»	30
«допустим, этот год последний...»	31
«по кругу смерти ходят муравьи...»	32
«за гаражами, где бомжи пьют водку...»	33

«это чёрное слово...»	34
«мы погорельцы на своей земле...»	35
«мёртвая Беларусь...»	36
«ну здравствуй, Пушкин...»	37
«на лукоморье дух зловонный...»	38
«впору говорить о брестской школе...»	39
«путеводные звёзды гаснут...»	40
«ты понесла от сточных вод, земля...»	41
«поджидая Нину из института...»	42
«фантик среди листвы...»	43
«снег в подмосковном Домодедово...»	44
«так по-русски красива...»	45
«в туалете есть перекладина...»	46
«будешь раздет, разут...»	47
«коридор кончается бесконечностью...»	48
«тот самый монументум...»	49
«пока я кофе варю на кухне...»	50
«не оглядывайся назад...»	51
«сдаётся квартира в подвале...»	52
«ты музыка последняя моя...»	53
«отражение в мёртвой воде...»	54
«широка страна моя родная...»	55
никто	56
воздух	57
«была дешёвой, стала дорогой...»	58
«два бомжа. один другому...»	59
«звонил отец, и я базлал с отцом...»	60
весна	61
«уже сгребают листья дворники...»	62
«дешёвое платье становится дорогим...»	63
«зайти в кафе кинотеатра...»	64
«от Сокольников до Преобраги...»	65
«кофе в пластиковом стакане...»	66
«портативная пишущая машинка...»	67
«лицо, заросшее щетиной...»	68

«растения из сада Прозерпины...»	69
«если в верхних слоях атмосферы...»	70
похоронный блюз	71
«как буднично всё это происходит...»	72
«поезд едет по эстакаде...»	73
дом культуры	74
«шесть соток фамильного сада...»	76

Андрей Фамицкий. Жизнь и её варианты

возрастная категория 18+

редактор:
Александр Переверзин

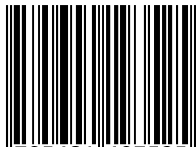
дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 24.11.2018
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6041935-2-5



9 785604 193525

Стихи Андрея Фамицкого показались мне не только культурными, остроумными и лихо сложенными... В лучших стихотворениях этой книжки чувствуются драматизм, лирическое простосердечие и настоятельная внутренняя потребность в поэтическом высказывании. Если бы попросили доказать, что мои похвалы имеют под собой основания, я бы отослал к стихотворению «а те, с кем ты чаёвничал над бездной...».

Сергей Гандлевский

Стихам Андрея Фамицкого присуще (кроме внятности, лаконичности, точности рифм) ещё одно неоспоримое достоинство: поэт удивительным образом гармонизирует пространство, избегая свойственных молодости пафоса и аффектации. Говоря о вещах горьких и даже страшных, он словно слегка подтрунивает над собственным и мировым неустройством, не впадая при этом ни в притупляющую эмоции иронию, ни в залихватский стёб.

Ирина Евса

У этих по-настоящему талантливых стихов есть хорошая решимость стать законной частью «большого» поколения, но пока нет необходимой отваги что-то кардинально изменить в строе современной поэзии и даже навязать другим, например своим сверстникам, свою песню. Но Андрей Фамицкий уже чувствует соблазнительную разницу между «быть не хуже» и «быть единственным».

Олег Дозморov

ISBN 978-5-6041935-2-5



9 785604 193525